

УДК 882

А.О.Скрипкин

ЛИРИКА А.А.ФЕТА И ПОВЕСТЬ К.Н.ЛЕОНТЬЕВА «ЕГИПЕТСКИЙ ГОЛУБЬ»

Analysing K.N.Leontjev's story «Egyptian Pigeon» the author shows the influence of A.A.Fet's lyrics on Leontjev's creative work.

О Константине Леонтьеве предпочитают говорить и писать чаще как о ярком философе и гениальном публицисте своей эпохи, чем об авторе интересной и оригинальной прозы. Прозаическое творчество Леонтьева, к сожалению, остается на периферии научного интереса. Судить о причинах этого сложно, но сегодня очевидно одно: Леонтьев-публицист значительно затемняет другие, не менее интересные и значительные стороны своего литературного таланта. С.Г.Бочаров, написавший ряд интереснейших работ о творчестве Леонтьева, в одной из них сделал очень важное замечание: «Прозу Леонтьева мы вспоминаем сегодня, но она должна быть не только заново издана, что уже начато, но и историко-литературно продумана, литературоведчески вписана в историю литературы» [1]. Такая работа уже ведется, а после выхода пятого тома Полного собрания сочинений К.Н.Леонтьева, завершившего публикацию художественного наследия писателя, надеемся, приобретет систематический характер.

Вопрос о влиянии лирики Фета на творчество Леонтьева редко ставится в научной литературе несмотря, как нам кажется, на очевидную важность воздействия творчества поэта (да и самой его личности) на формирование творческого сознания Леонтьева. Подробное исследование на эту тему может прояснить особенности художественно-эстетического мировосприятия Леонтьева. Настоящая работа не претендует на окончательное решение этой сложной проблемы. Мы попытаемся рассмотреть и проанализировать реминисцентный план повести «Египетский голубь» (1881) и доказать, что обращение Леонтьева к лирике Фета носит далеко не случайный характер.

Для Леонтьева Фет был почти единственным современником, личность и творчество которого отвечали его эстетическим требованиям. В этом он неоднократно признавался, всегда ставя поэта в недлинный ряд любимых им писателей. В письме к Вс.Соловьеву от 18 июня 1879 г. есть замечательное признание, сделанное Леонтьевым о своих «восточных повестях»: «Я стал искать теней, призраков и чувств. — Я желал, чтоб повести мои были похожи на лучшие стихи Фета, на полевые цветы, собранные искусной рукой в изящно-бледный и скромно-пестрый букет...» [2]. Это признание для нас важно уже потому, что

повесть «Египетский голубь» — большое произведение Леонтьева, написанное им на восточную тематику. Именно в нем сосредоточен целый пласт мотивов лирики Фета.

Работа над этой повестью проходила для автора напряженно и мучительно. В письме к Т.И.Филиппову от 7 сентября 1881 г. он писал: «...Повесть “Египетский голубь” причинила мне тоже много горя; нужно было кончить дело случайно начатое и *ничего общего с моим теперешним настроением не имеющее*; нужно было из денежных видов. Нужда гнала, помощи серьезной ниоткуда <...> И вот я стал принуждать себя и, осилив первое немощное отвращение к такому легкому и слишком пустому сюжету, теперь продолжаю рассказ без удовольствия, тем более, что *правда воспоминаний берет свое*» [3].

В произведении отразились воспоминания Леонтьева о своей дипломатической службе в Турции. Главный герой повествования — начинающий дипломат Ладнев имеет много общего с самим автором. Повесть написана в форме незаконченного дневника. Во вступлении к ней рассказываются обстоятельства, при которых воспоминания Ладнева попали к издателю: «Рукопись эту я получил недавно. Автор её скончался около года тому назад в своем имении. Он поручил одному из своих родственников передать ее мне вместе с другими отрывками из своих воспоминаний. <...>

В письме его родственника, между прочим, сказано вот что: “Покойный незадолго до смерти своей, чувствуя себя нездоровым, однажды отпер ящик своего письменного стола, показал мне эту рукопись и сказал: “Когда я умру, пожалуйста, пошли это К.Н. Ему это доставит удовольствие, и напиши, что я даю ему право даже и напечатать этот рассказ. Пусть вспомнит он наши долгие беседы на палубе дунайского парохода “София” и наши прогулки зимними днями по улицам Царьграда”.

Ладнев угадал! Я вспомнил очень многое!..» [4].

Очевидная автобиографичность произведения имеет особое значение. Здесь нам важно подчеркнуть, что Ладнев — это alter ego самого автора. Собственно «фетовское» в повести начинает звучать с первой страницы повествования, с описания образа, вынесенного в заглавие повести: «Когда я жил в Адрианополе, в турецком (восхитительном для меня) квартале, на моем дворе, в углу у высокой и сырой стены было большое персиковое дерево. Оно росло у самого окна моей маленькой гостиной, и на ветках его часто ворковал голубь.

Люди мне сказали, что это не простой голубь, а египетский. И в самом деле, я помню, голубь этот не был синеватый, как обыкновенные голуби, а больше был похож цветом на горлицу. Воркованье его было тоже иное, короткое, густое и с каким-то особым внезапным возгласом, который мне казался исполненным *томительной любви и почти болезненной радости*» (197). (Курсив наш. — А.С.). «Томительное воркование» голубя ассоциативно отсылает нас к стихотворению Фета «Улыбка томительной скуки» (1844). Оно вошло в сборник 1850 г. и было помещено автором в разделе «Мелодии». Приведем его текст полностью:

*Улыбка томительной скуки
Средь общей веселия жажды...
Вы, полные, сладкие звуки, —
Знать, сердцу не слушать их дважды...*

*Зачем же за тающей скрипкой
Так сердце в груди встrepенулось,
Как будто знакомой улыбкой
Минувшее вдруг улыбнулось?*

*Так томно и грустно-небрежно
В свой мир расцвеченный уносит,
И ластится к сердцу так нежно,
И так умильно просит?*

*Под сладостный голос родного,
В заветной святыне раздумья,
Так много трепещет былого,
И молит у сердца безумья;*

*Но едкие слёзы разлуки
Душевной не уняли жажды:
Вы, полные, сладкие звуки, —
Знать сердцу не слушать их дважды!.. [5]*

Примечательно, что у Фета в приведенном стихотворении возникающие чувства «былого», окрашены теми же ощущениями, что у Леонтьева: «томно», «грустно», почти «болезненно». В этих ощущениях уже спроецирован основной сюжет леонтьевской повести. «Я сидел и думал, и все ждал *чего-то*. <...> Что за счастье, что за мучительное счастье! Что за тоска! Что за ожидание!

Я ожидал, ожидал и дождался! *Всё это* случилось почти в одно время; я влюбился в Машу Антониади и узнал, что и она меня любит...» (197).

Тема любви героя пройдет лейтмотивом через всю повесть. Она играет ключевую роль в организации композиции произведения. Но эта любовь у Ладнева приобретет особый характер. «В Маше Антониади было именно то, что мне было нужно. В ней было нечто такое, что меня томило; в ней как будто таилось что-то изящно-растлевающее, нечто тонко и сдержанно безнравственное, нечто едкое и душистое, доброе и лукавое, тщеславно милое, — одним словом, что-то такое, что заставляло меня глубоко “вздыхать”, вздыхать *счастливо*, вздыхать от той сладкой сосредоточенности, которая теснит грудь и открывает пред влюбленную мыслью бесконечные и восхитительные, в самой неясности своей, перспективы...» (243).

Эта неопределенность станет ведущим мотивом на протяжении всей истории их отношений. Для Ладнева важен прежде всего процесс чувствования, анализ возникающих при этом нюансов переживания. Не случайно герой повести оговаривается: «Я, кажется, уже говорил, что не имел никакой определенной и непременно безнравственной *цели*. Я заранее готов был *отречься* от полной победы» (242). Очевидно, что Леонтьев настраивает читателя на качественно иной уровень восприятия ладневского чувства к Маше. Это особое, рефлексивное настроение героя нетрудно соотнести с лирическим героем Фета; становится очевидной родственность их мировосприятия, что подтверждает и прямое упоминание поэта в тексте повести:

«Я обожал все оттенки романтизма: от самого чистого аскетического романтизма Тогенбурга... и до того тонкого и облагороженного обоготворения изящной плоти, которой культом так проникнуты стихи Гёте, Альфреда де Мюссе, Пушкина и Фета» (230).

Чувство Ладнева постоянно сопровождает ощущение меланхолии, тоски. Это еще одна точка сближения с лирикой Фета. Так, в составе сборника 1850 г. выделен лирический цикл, состоящий из трех стихотворений, озаглавленный «Хандра» («Непогода — осень — куришь...»), «Не ворчи, мой кот-мурлыка...», «Друг мой! я сегодня болен...»). Первое стихотворение, открывающее цикл, вводит нас в атмосферу возникновения ощущения хандры. Это состояние возникает под воздействием ненастного осеннего дня, который и является причиной необъяснимого душевного состояния:

*Непогода — осень — куришь,
Куришь — всё как будто мало.
Хоть читал бы, только чтенье
Продвигается так вяло;*

*Серый день ползёт лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неумолимо;*

*Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную
Всё такая чертовщина!*

*Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава Богу! понемногу,
Будто вечер, засыпаю...*

*Но болезненно-тревожна
Принуждённая дремота.
Точно в комнате соседней
Учат азбуке кого-то,*

*Или, кто их знает? где-то,
В кабинете или в зале,
С писком, визгом пляшут крысы
В худо запертом рояле.*

В этом стихотворении появляется мотив, по мнению В.А.Кошелева, организующий весь цикл: «Все три стихотворения, входящие в цикл, представляют собой поэтический анализ сложного и странного ощущения душевной опустошенности – ощущения “чертовщины”, рождающей необычные видения и неожиданные сопоставления». Сам недуг, овладевший лирическим героем Фета, является следствием одиночества, замкнутого пространства, в котором он находится и, как точно заметил исследователь, причина этого — душевная неустроенность героя [6]. Наиболее полно это проявилось в третьем, замыкающем цикл стихотворении:

*Друг мой! я сегодня болен;
Знать, поветрие такое...
Право, я в себе не волен,
Не найдусь никак в покое...*

*Не ошибся я в надежде:
Ты умна и молчалива,
Ты всё та же, что и прежде:
И добра и горделива.*

*На дворе у нас ненастье,
На дворе гулять опасно.
Дай мне руку, дай на счастье...
У тебя тепло и ясно.*

*Ах, давно ли у тебя я, —
Так беспечно, так лениво, —
Всё на свете забывая,
Был покорен молчаливо.*

*А теперь зачем в углу том,
За широкою гардиной...
Вон, вон тот, что смотрит плутом,
С чёрной мордою козлиной.*

*Не могу не ненавидеть
Этих глаз в досадной рожге!
Право, скучно, грустно видеть
Каждый день одно и то же.*

*Понимаю эти ласки,
Взор печали беспредельной.
Нет ли, друг мой, нет ли сказки,
Нет ли песни колыбельной,*

*Чтобы песню смягчалось
То, что в сказке растревожит,
Чтобы сердце хоть пугалось,
Коль любить оно не может.*

В приведенном тексте возможность исцеления от этого странного недуга связана с образом «друга»; само стихотворение построено как воззвание к некому лицу, способному исцелить больного, и которое вводит в цикл и любовную тему.

Подобные чувства овладевают и Ладневым; одиночество вызывает настроения, близкие фетовскому герою. Переезд на службу в Адрианополь разлучает Ладнева с Машей, и живописная красота Востока оборачивается для него «орудием пытки»: «Посреди всего того, что мне так нравилось, я скитался как сказочный принц, запертый навеки в волшебном саду, без ответа и любви!»; и далее: «Я почти утратил все простые и приятные ощущения жизни. Сон был тревожный; голод слабее; птички для меня уже не пели; ветерок прохладный уже не освежал меня. А если случайно и видел или слышал что-нибудь хорошее, если невольное впечатление пробуждалось во мне на миг и неожиданно, — то становилось ещё больнее. Зачем я не чувствую так сильно, как следовало бы чувствовать? Зачем я не радуюсь тому, что должно бы меня радовать...» (270, 274).

Для Ладнева оказывается недостаточно экзотики турецкой жизни, ему необходим иной род чувств, прояснить который может образ, вызванный воспоминанием о родине. Ему представляется куст черёмухи, растущий в «забытом саду» дедовского имения: «Осыпанный белыми цветами, он цвёл и благоухал в этой чаше; я его видел, но ни я, ни кто другой дойти до него не могли: на болотистой заброшенной, но глубокой еще сажалке не было ни плота, ни мостика, ни простой перекладины... Черёмуха цвела как будто сама для себя; я не мог дойти до неё и ни разу после того я ни видал ни этого сада, ни этого имения, ни сажалки этой, ни цветущего куста; но я не забыл его и не могу забыть... И только...»

Вот так и эта милая женщина останется навек в памяти моей; я её больше, вероятно, и не встречу, но образ её будет благоухать и цвести в моем воображении, как цветет до сих пор в нем этот только издали мною виденный куст душистой черёмухи!...» (249-250).

Этот образ поднимает чувство героя на совершенно иной уровень, выражая не только философию любви героя Леонтьева, но и отражая эстетическую концепцию всей повести: «Не многие умели так, как я умел, восхищаться розами, не забывая ни на миг ту боль, которую причиняли мне тогда же даже и самые мелкие шипы!...» (299). Это признание взято как будто из поэтического словаря Фета.

Но и этими сближениями фетовские мотивы в повести не исчерпываются. Неожиданно для Ладнева Маша с супругом переезжает жить в Адрианополь, и для героя настал «невывразимо светлый праздник жизни». Вернулось восхищение восточными картинами жизни, и он «всё чаще поет и декламирует стихи» Фета:

Свеж и душист твой роскошный венок,
 Всех в нём цветов благовония слышны;
 Кудри твои так обильны и пышны,
 Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
 Ясного взора губительна сила.
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
 Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
 Счастью сердце легко предается,
 Мне близ тебя хорошо и поется.
 Свеж и душист твой роскошный венок!..
 (Курсив К.Н.Леонтьева. — А.С.)

Это стихотворение вошло в сборник 1850 г., и было помещено автором в разделе «Мелодии». Каждая строфа его представляет кольцевую структуру; повторение первой строки придает стихотворению ритмичность, музыкальность, и Леонтьев чутко уловил это (Ладнев «пел и декламировал»). В тексте повести оно цитируется дважды: первый раз в VII-й главе, второй — в XIII-й (в ней текст приведен полностью). Автор использует эту особенность стихотворения не только для выражения чувств героя, особую мелодичность можно услышать на протяжении всей повести. Эту особенность произведения заметил Ю.П.Иваск, отметив «мелодичность в передаче настроений»: «...словесное их выражение вынужденно-приблизительное; и их тайный смысл можно было бы лучше передать в музыке» [7].

Кроме того, стихотворение значимо и для поэтики повести. Его композиционное построение вводит в текст повести мотив повторения. На всем протяжении повествования Ладнев постоянно возвращается к своим чувствам к Маше, которые собственно и являются главной темой повести, скрепляя другие сюжетные линии. В этом смысле становится понятна незавершенность произведения. Несмотря на попытки завершить повесть (Леонтьев обращался к этой мысли несколько раз) ему все-таки не удалось довести ее до логической развязки [8]. Главы, написанные позднее (не опубликованные при жизни автора), ничего нового не прибавляли к ладневской палитре чувств. Важным дополнением к истории их взаимоотношений персонажей служит признание героя: «Мы расстались без пресыщения, без горечи, без распрей, без раскаяния, безо всякой примеси того яда, который таится почти всегда на дне благоухающего сосуда восторженной любви...» (375).

Наконец, необходимо отметить еще одну важную деталь. Повесть имеет подзаголовок «Рассказ русского». Вообще подзаголовки в прозе Леонтьева встречаются очень часто и выполняют определенную смысловую функцию (эта тема отдельного исследования). Здесь подзаголовок служит для объяснения характерологической особенности героя. Очевидно, автор указывает на истоки мирозерцания Ладнева, традиционно связанные с отечественной культурой. Для Леонтьева важно не только обозначить эту связь, но и показать ее исключительное значение.

Как показывает анализ текста, обращение Леонтьева к поэзии Фета не случайно: писатель демонстрирует не только знание творчества поэта [9], но и понимание ее особенностей (что отразилось на стиле повести). Кроме этого, фетовские лирические мотивы играют в структуре повести ключевую роль для понимания произведения.

1. Бочаров С.Г. Леонтьев и Достоевский // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С.384.
2. Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 т. Т.3. СПб., 2001. С.709-710. Курсив наш.
3. Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. СПб., 2003. С.835. Курсив автора.

4. Там же. С.196. Далее все ссылки на этот том даются в тексте, с указанием страницы в круглых скобках.
5. Фет А.А. Сочинения и письма. Т.1. СПб., 2002. С.71-72. Все стихотворения Фета приведены в тексте по этому изданию.
6. Кошелев В.А. Хандра // Традиции в контексте русской культуры. Вып.7. Череповец, 2000. С.65-75.
7. Иваск Ю.П. Константин Леонтьев (1831-1891). Жизнь и творчество // Константин Леонтьев: pro et contra. Кн.2. СПб., 1995. С.351.
8. См.: Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем. Т.5. С.836-839. Комментарий.
9. Тексты фетовских стихотворений, цитируемые Леонтьевым в повести, позволяют определить, что в работе над ней автор использовал по крайней мере два поэтические сборника Фета: текст стихотворения «Свеж и душист твой роскошный венок» воспроизведен с правкой, сделанной И.С.Тургеневым для сборника 1856 г. Ср. 6-й стих в первоначальной редакции: «Ясного ока губительна сила». В XXV главе приведена цитата из стихотворения «Ты говоришь мне: прости!..», которое было напечатано только в сборнике 1850 г. См.: Фет А.А. Сочинения и письма. Т.1. С.435,436. Комментарий.